

Н. К. Данилова

Мистический реализм в современной прозе

Рецензия на книгу: Кихней Л. Г., Гавриков В. А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI веков: Монография. – М., Амстердам: Тардис, 2020. – 240 с.

Статья представляет собой отзыв о монографии Л. Кихней и В. Гаврикова, посвящённой исследованию «мистического реализма» как особого явления в современном литературном процессе. Авторы дают теоретическое описание «мистического реализма», называют его «опознавательные» черты, сопоставляют с другими видами постмодернистской словесности, при этом оговаривают, что в литературоведении нет единого мнения по заявленной проблеме. Главный интерес представляет собой творчество Льва Наумова как средоточие различных элементов «твёрдого» реализма, неомодернизма, фантастики, альтернативной истории. Делается вывод о наличии в современной литературе значительного числа писателей, работающих в подобном ключе.

Ключевые слова: нереалистическая проза, постмодернизм, мистический реализм, Лев Наумов.

Для цитирования: Данилова Н. К. Мистический реализм в современной прозе // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 254–258. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_254. EDN: VUJCOE

Объектом исследования в монографии является современная русская «нереалистическая» проза, особенности которой анализируются на примере творчества Льва Наумова – писателя, «аккумулирующего разные аспекты» направлений: «твёрдого» реализма, неомодернизма, фантастики, альтернативной истории. Авторы стремятся, во-первых, разграничить эти явления, дать им определение, а, во-вторых, описать основные вехи творческого пути Л. Наумова и определить его место в «мистическом» литературном процессе сегодняшнего дня.

Первая глава посвящена мистическому реализму в русской классической прозе. Л. Г. Кихней и В. А. Гавриков, отметив, что в литературоведении используется множество терминов, обозначающих наличие мистических элементов в тексте, переходят к характеристике этих элементов. Среди них названы возможность чуда (инобытийных сущностей, явлений, процессов), наличие особенного героя (живёт не в реальности, а на грани двоемирия, устремлён в потустороннее), воссоздание бытия творящего сознания автора. Главное здесь – художественное постижение высшей реальности. «Нереалистическим» может быть назван 1) особый внутренний мир героя; 2) некая сущность, связанная с действительностью тайными знаками, пророчеством; 3) вторжение «прямого чуда» (необъяснимое исцеление, перемещение во времени). Далее приводятся подтверждающие примеры из произведений Г. Маркеса, Б. Зайцева, И. Шмелёва. Делается общий теоретический вывод о том, что частные узкие термины: магический, чудесный, духовный, – поглощаются корневым термином «мистический реализм».

Далее следуют размышления о мистическом слове у акмеистов Н. Гумилёва и А. Ахматовой. Так, замечено, что у Гумилёва формируется подход к слову как к «магической» субстанции, наделённой тайной действенной силой. В этом ключе изучается мотив «пути» в его стихах, изменение статуса религиозных мотивов, взаимосвязь мифа «конца» и мифа «начала», размышление поэта о личности и перевоплощении души. Главное качество художественной онтологии Гумилёва – её «интегральность»: религиозно-философские традиции, древние и современные, накладываются друг на друга, сливаясь на уровне художественной философии и поэтики. Процесс творчества трактуется как творение собственного мира, устроенного по мистическим законам.

Главным мистическим текстом А. Ахматовой названа «Поэма без героя». Указывается проекция на мифо-ритуальный комплекс «мира на переходе от старого к новому году», на контаминацию в завязке «гадания» и «ряжения», на зеркальность письма, порождающую бесконечную вереницу отражений.

Затем авторы обращаются к мистическому реализму в современной русской прозе. Они соглашаются с мыслью, что в последние десятилетия прошлого века было сфор-

мировано мощное неомифологическое направление (слово эпох обусловило внимание художников к вечным – трансцендентным – темам). Возникло странное соединение постмодернизма («пустые знаки», симулякры) с поисками «вечной истины»; миф-мистика ассоциируется с «низким жанром». Маргинальные области словесности начинают оказывать влияние на «высокие жанры». Перечислены авторы, творчеству которых свойственно «мистико-метафизическое осмысление человека, общества и истории».

Внимание уделяется заглавным образам и классическим сюжетам, реализованным в романах В. Пелевина. Делается вывод о скрещении разных мифов, о попытке обрести в пошлой жизни «подлинную реальность», философски осмыслить бытие. Пелевин балансирует на грани двух аксиологических позиций, задаёт вопросы о подлинности, взыскует её, сам же на подлинность как будто и не указывая. Сходные тенденции отмечены в творчестве О. Славниковой. Иное проявление мистического найдено в текстах Г. Яхиной. Её подчёркнуто реалистические тексты содержат мистические эпизоды, облечённые в узнаваемые формулы советской действительности.

На этом фоне авторы выделяют адаптацию классических сюжетов в творчестве Льва Наумова. Здесь присутствуют разные возможности: постмодернистская ирония, историко-философская проза, интенциональный притчевый мистицизм с реальной подоплёкой.

Далее даётся характеристика инобытийных хронотопов в нереалистической прозе. Так в прозе М. Петросян выделяется двоемирие с признаками потустороннего мира и некоторым аналогомрая. В текстах В. Пелевина – поликультурность художественного пространства. Отмечено, что Лев Наумов соединяет эти тенденции. Пространство в его произведениях часто не имеет отчётливых маркеров той или иной культурной ситуации. Использование реликтового кумулятивного сюжета позволяет «нанизывать» элементы, достигая пространственного сближения самостоятельных единиц.

Завершается первая глава размышлением о связи рассказов Л. Наумова с зарубежной нереалистической прозой. Названы две группы предшественников Наумова: 1) западные прозаики конца XIX – первой половины XX веков; 2) античные

авторы, в первую очередь, философы. Заимствования могут быть не сюжетными, а мотивными («удача впрок», «смерть призрака»), на уровне персонажей («человек как персонаж»), образов, идей («ясное видение будущего»).

Во второй главе авторы анализируют миромоделирующие и субъектные особенности прозы Льва Наумова. Метод писателя характеризуется как многогранный, синтезирующий разные тенденции, а его произведения определяются как метафизическая притчево-философская проза с элементами фантастики и метаповествования. Отметим попутно, что в этом разделе монографии встречаются неточности в употреблении терминов: так, «мистический реализм» вдруг назван жанром.

Из стиливых особенностей рассказов Л. Наумова названы жанровая размытость, сосуществование разных стиливых пластов (лирические интонации и диалектные пласты, канцелярская речь). Также упомянута каталогизация, связанная с необычными вещами и явлениями. Кроме того, стиль у Наумова влияет на построение сюжета и организацию художественного пространства.

Анализ гипертекстуальности предваряется небольшим экскурсом в историю отношений «автор – герой – читатель», завершением которой оказывается «воспринимающее» сознание. В текстах Л. Наумова присутствует игра с повествовательным ракурсом, неожиданные облики автора, множественность развилок сюжета. Особый повествовательный «голос», сочетающий авторский план с планом персонажа, делает рассказы писателя узнаваемыми.

Далее речь идёт об апологии необычного героя. Такой персонаж может быть странным, наделённым особыми возможностями, даже мистическим. С неординарным героем связано не только развитие странных сюжетов, но и движение истории в целом. Подчёркивается, что «изошрённая причинность» – один из важнейших аспектов творчества писателя.

Отмечено также, что важной составляющей мифопоэтической вселенной писателя является двойничество, реализованное в сфере мотивов, персонажей, деталей и предметов.

Завершают монографию размышления о концепции «мир есть текст» в прозе Л. Наумова. Эта концепция видится авторам

не столько постмодернистской, сколько неомифологической («высказать мир есть то же самое, что создать его»). Ключевым свойством всей системы является изоморфизм, частным проявлением которого становится изоморфность мира и текста.

Подводя теоретические итоги, авторы выражают надежду, что предложенное ими разделение приёмов или «опознавательных черт» нереалистической современной прозы может стать фундаментом для дальнейших исследований. Вопрос о том, правильно ли называть мистический реализм особым методом, оставлен открытым.

Natalia K. Danilova

Mystical Realism in Modern Prose

Book review: Kikhney, L. G., Gavrikov, V. A. (2020) Prose of Lev Naumov in the context of "mystical realism" in Russian literature of the XX–XXI centuries: Monograph. Moscow, Amsterdam: Tardis. (In Russian).

The article is a review of the monograph by L. Kikhney and V. Gavrikov devoted to the study of "mystical realism" as a special phenomenon in the modern literary process. The authors give a theoretical description of "mystical realism", call it "identifying" features, compare it with other types of postmodern literature, while stipulating that there is no consensus on the stated problem in literary criticism. The main interest is the work of Lev Naumov as the focus of various elements of "solid" realism, neomodernism, fantasy, alternative history. The conclusion is made about the presence in modern literature of a significant number of writers working in a similar vein.

Key words: non-realistic prose, postmodernism, mystical realism, Lev Naumov.

For citation: Danilova, N. K. (2023) Misticheskij realizm v sovremennoj proze [Mystical Realism in Modern Prose]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 254–258. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_3_254. EDN: VUJCOE

дата получения: 12.05.2023 г.
дата принятия: 04.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 12 May 2023
date of acceptance: 04 June 2023
date of publication: 30 September 2023